

ОДИССЕЙ

2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Social Entities
and Their Metaphorical
Interpetations*

Moscow IWH RAS 2021

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Социальные категории и их
интерпретация на языке
метафор*

ИВИ РАН 2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.),
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА (отв. ред.),
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.),
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.С. БОБКОВА,
кандидат исторических наук Е.Д. БРАУН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: ИВИ
РАН **2021** : Социальные категории и их интерпретация на языке метафор /
[гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. О.Е. Кошелева, А.Б. Герштейн]. – 2021.
– 000 с. –

ISSN 1607-6184

Очередной выпуск альманаха «Одиссей» («Социальные категории и их интерпретация на языке метафор») посвящен анализу представлений о принципах и формах социальной стратификации в разных культурах. На огромном историческом материале, относящимся к разным эпохам (от Средневековья до раннего Нового времени) и регионам, на примере разнообразных источников – от морально-дидактических и политических трактатов до памятников искусства – авторы обсуждают следующие вопросы: как функционировало социальное воображение в традиционном обществе, как люди описывали тогда устройство современного им общества, по каким принципам вычленили социальные категории и какие мыслительные практики для этого использовали. В других разделах выпуска публикуются статьи и исследования по античной истории и истории крестовых походов. Раздел рецензии представлен критическим этюдом А.Б. Герштейн о новой книге М.Р. Майзульса «Между Христом и Антихристом. «Поклонение волхвов» Иеронима Босха».

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкой читательской аудитории.

© Коллектив авторов, 2021

© Кошелева О.Е. Герштейн А.Б., отв. ред.
выпуска, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

П. С. Бычков

МЕТАФОРА ТЕЛА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО В «КНИГЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА»
КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ

DOI: 10.32608/1607-6184-2021-29-1-35-50

Аннотация: В статье анализируется политико-философский трактат Кристины Пизанской «Книга политического тела» (1404–1407). Автор рассматривает, каким образом Кристина обновляет традиционную для Средних веков метафору тела государства, выявляет причины появления подобного произведения в данный период. В этом произведении Кристина исключает духовенство из трёхчастной модели общества, государь в политическом теле замещает папу и клир. Вместо руководящей роли Церкви-«души» вводятся гуманистические понятия «блага, проистекающего из добродетели» и «добрых нравов». Благодаря стратификации и иерархизации Кристиной третьего сословия, оно включается в политическую жизнь королевства, осмысливается его роль в государственном организме. Концептуальная метафора «политического тела» расстается с церковно-мистическими коннотациями и укореняется в секулярной, политико-философской традиции.

Ключевые слова: метафора, политическое тело, Кристина Пизанская, государство, «Книга политического тела», концилиаризм, третье сословие.

Keywords: metaphor, body politic, Christine de Pizan, «The Book of the Body Politic», conciliarism, third estate.

Применение метафоры тела в сочинениях о государстве и политике – возможно самая популярная стратегия осмысления сферы политического от Античности до раннего Нового времени. Позаимствовав телесную метафорику у Аристотеля и Эзопа и через интерпретацию посланий апостола Павла (1 Кор. 12: 12-27) придав ей вполне христианский характер, средневековые авторы активно используют метафору человеческого тела в своих сочинениях для описания политических структур, пока она, наконец, не приобретет свою окончательную форму в трактате Иоанна Солсберийского *Поликратик*. Политическое тело становится устойчивой концептуальной метафорой, к которой мыслители прибегают, чтобы отразить иерархическое устройство средневекового общества и единство государственного организма. Через несколько столетий после того, как эта метафора была сформулирована и получила распространение за пределами Англии, её изначальное значение претерпело определенные изменения. Если многие авторы политико-философских трактатов лишь воспроизводили идеи *Поликратика* и его предшественников, то Кристина Пизанская в

Книге политического тела, используя старый метафорический язык, удаляет из этой воображаемой структуры Церковь как серьезную политическую силу и привносит новые идеи ответственности государя перед подданными. Её произведение становится таким образом первой работой в новом ряду политических трактатов, в которых эта метафора занимает центральное место, вплоть до Альтузия, Гоббса и Руссо¹.

Пользуясь своим уникальным социальным положением, Кристина Пизанская (1364–1430) не только анализирует и обобщает современную ей политическую ситуацию, но и, возможно, надеется воздействовать на ход событий посредством своих произведений. Благодаря тому, что её отца, Томмазо ди Бенвенуто, пригласили ко двору Карла V на должность придворного астролога, она могла быть непосредственным свидетелем многих событий придворной жизни. Эта позиция была лишь укреплена браком с королевским секретарем Этьеном Кастелем в 1379 г., а после его смерти десять лет спустя, Кристина смогла остаться при дворе, не вступая в повторный брак, обеспечивая себя и своих детей литературным творчеством². Определенную известность ей принесла полемика по поводу *Романа о Розе*, которую она начала ещё в первых своих произведениях – в *Письмах богу любви* (*Epistre au Dieu d'amours*, 1399) – и продолжила в письмах 1401–1402 гг.³ Эта полемика, собранная в *Книгу писем о споре вокруг "Романа о Розе"* (*Epistres du Débat sur le Roman de la Rose*), была преподнесена в дар королеве Изабелле Баварской 1 февраля 1402 г., а её окончанием принято считать письмо Жана Жерсона, которое тот направил оппоненту Кристины зимой 1403 г. с резкой критикой адресата, что позволяет предположить некую возможность общения между Жерсоном и Кристиной⁴. *Книга политического тела* написана в период войны с англичанами, борьбы между несколькими партиями в Церкви и во Французском королевстве, поэтому её обрамляют некоторые работы социально-политического характера, которые Кристина стала создавать наравне с поэтическими, морализаторскими и философскими произведениями. Предшествуют *Книге политического тела* *Книга о деяниях и добрых нравах мудрого короля Карла V* (*Le Livre des Fais et bonnes meurs du sage roy Charles V*, 1404) и письмо от 5 октября 1405 г. Изабелле Баварской, формальному регенту королевства, а по-

¹ Литература о политическом теле достаточно обширна, подробнее см.: *Harvey*. 1999: 85–93; *Hanley*. 1997: 129–149; *Nederman*. 2000: 385–397.

² См.: *Roux*. 2006.

³ См.: *Le Débat sur le Roman de la Rose*. 1977.

⁴ См.: *Тогоева*. 2018: 21–31; *Richards*. 2000: 196–208.

сле убийства герцога Орлеанского Кристиной были написаны *Плач о бедах Франции (Les Lamentations sur les maux de la France, 1410)* и *Книга о мире (Le Livre de la Paix, 1412)*⁵. Даже по названиям этих работ мы можем видеть, насколько автор был вовлечён в политические события эпохи: в числе покровителей Кристины были и Изабелла Баварская, и Филипп Храбрый, и Людовик Орлеанский. Сама *Книга политического тела* обращена к наследнику престола, дофину Людовику Гиеньскому, в качестве назидания в управлении государством.

Однако для того, чтобы выразить новые концепции относительно государства, необходимо было прибегнуть к определенной терминологии, которая появится лишь много позже, в раннее Новое время. Высказывая свои идеи, Кристина избирает концептуальную метафору, традиционно употребляемую в XIV в. для подтверждения прав монарха на неограниченную власть в своем домене, но кардинально меняет её смысл. Метафорическое изображение государства как человеческого тела появилось гораздо раньше, и можно назвать конкретный источник, на который опиралась Кристина. Трактат *Поликратик, или О забавах света и заветях философов (Policraticus: sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum, libri octo. Accedit huic editioni ejusdem Metalogicus)*, написанный в 1159 г. английским клириком Иоанном Солсберийским, содержит во второй главе V книги письмо Псевдо-Плутарха (за которым мог скрываться и сам автор) под названием *Наставления Траяна (Institutio Traiani)*. Этот инкорпорированный псевдоисточник являет собой метафорическое изображение государства в образе единого тела, «все органы которого должны быть здоровы и правильно функционировать»⁶. Государь является главой (*princeps vero capit in Republica obtinet locum...*), духовенство выполняет роль души (или духа) (*anima in corpore Reipublicae*), к наставлениям которой глава должен обязательно прислушиваться. Сенат (*senatus*), который можно воспринимать как синоним королевских советников, занимает место сердца; глаза, уши и язык – это судьи и наместники (*judices et praesides provinciarum*), а функцию рук исполняют чиновники и воины (*officiales et milites*). Советники правителя (*qui assistant principi*) называются боками государственного тела, квесторы и секретари (*quaestores et commentarienses*) – животом с кишками, который не должен быть переполнен; наконец, ноги государства – это крестьяне⁷. *Поликратик* был переведен на французский по заказу

⁵ См.: Kennedy. 1994.

⁶ Калмыкова. 2008: 320.

⁷ См.: Johannes Saresberiensis. 1639: 251–252.

Карла V францисканцем Дени Фулеша (Denis Foulechat) в 1372 г., поэтому Кристина точно была знакома с этим произведением⁸. Несколько раз в своей работе Кристина упоминает *Поликратика*, однако, воспроизводя метафорический образ политического тела, в качестве источника она указывает именно письмо Плутарха Траяну как авторитетный античный образец (I.1)⁹.

Во многом следуя Иоанну Солсберийскому, а также традиции полемических работ французских легистов XIV в., Кристина сохраняет метафорические стратегии, но меняет интерпретации всем знакомых форм и структур. Свою работу, как и само политическое тело, она делит на три части: монарх, рыцари и аристократы, весь остальной народ. Это не *tria genera hominum* – традиционная трёхчастная модель, как её формулирует, например, около 1080 г. епископ Адальберон Ланский в поэме *Carmen ad Rotbertum regem Francorum*: «Итак, тройственен дом Божий, который кажется единым: здесь одни молятся (*orant*), другие сражаются (*pugnant*), третьи же трудятся (*laborant*); каковые трое пребывают вместе и не могут быть разъединены; так что на служении одного покоятся дела двух других, и все в свой черёд помогают всем»¹⁰. Кристина в *Книге политического тела* сохраняет формальную иерархию, но видоизменяет баланс между сословиями: «...правитель или правители занимают место главы, поскольку они являются или должны являться суверенами, от них должны исходить определённые установления также, как от разума человека проистекают и происходят внешние деяния, осуществляемые частями тела. Рыцари и знать занимают место кистей и рук. Подобно тому, как руки человека сильны для того, чтобы трудиться, должны они иметь обязанность защищать законы правителя и государства (*la chose publique*). Они являются руками, поскольку руки отметаю вещи бесполезные, так же должны они откладывать в сторону и отбрасывать вредные, бесполезные вещи. Остальной народ похож на живот, ноги и голени. Так же, как живот получает все то, что приготовили голова и конечности, так плоды деятельности правителя и знати должны быть во благо и вызывать любовь народа, как будет объяснено позже, и как голени и ступни поддерживают части человеческого тела, так схожи с ними

⁸ См.: *Rigby*. 2012: 463.

⁹ См.: *Christine de Pisan*. 1998: 1.

¹⁰ *Adalbero Laudunensis*. *Carmen ad Rotbertum regem Francorum*. II. Цит. по: *Дюбу*. 2000: 14.

трудящиеся, поддерживающие все остальные сословия» (I.1)¹¹.

Как можно видеть, в формально трёхчастной схеме Кристины не хватает духовенства, а на первое место поставлен правитель, и это не случайно. Для того, чтобы понять преобразования в политическом теле, которые привнесла Кристина, необходимо учитывать события, происходившие в политической и церковной жизни в XIV–XV вв. Несмотря на то, что после «Авиньонского пленения», пользуясь слабостью французских королей, терпевших поражение в войне с Англией, папа Григорий XI вернулся в Рим в конце правления Карла V в 1377 г., попытка восстановить независимость папства оказалась неудачной. Пришедший после его смерти папа Урбан VI попытался осуществить реформы папской курии, что вызвало раскол (Великую схизму), и французские кардиналы избрали собственного папу Климента VII, вернувшегося в Авиньон. В период написания *Книги политического тела* (1404–1407) последовательно избирались на папский престол три папы – в Авиньоне всё это время правил Бенедикт XIII, на римский престол возвели сначала Иннокентия VII 17 октября 1404 г., а затем Григория XII 30 ноября 1406 г., которого попытаются низложить уже три года спустя на соборе в Пизе¹².

В последней четверти XIV – начале XV в. недовольство процессами, происходившими в католической Церкви, – nepотизмом, симонией, коррупцией куриальной системы – со своей собственной национальной спецификой наблюдается практически в каждой католической стране. Затянувшаяся схизма наносила ущерб и престижу папской власти, и благосостоянию Церкви. Не способствовали её процветанию и обоюдная анафема двух пап, и путаница с подчинением тому или иному папе монастырей и епископов, особенно в тех регионах, кото-

¹¹ “...le prince ou les princes tiennent le lieu du chief en tant qu’ilz sont ou doivent ester souverains et d’eulx doivent venir les singuliers establissemens tout ainsi comme de l’entendement de l’omme sourdent et viennent les foraines euvres que les membres achievent. Les chevaliers et les nobles tiennent le lieu des mains et des bras. Car tout ainsi que les bras de l’omme qui sont fors pour soustenir labeur et paine doivent ilz avoir la charge de deffendre le droit du prince et la chose publique, si sont aussi aux mains, car ainsi comme les mains deboutent les choses nuisibles doivent ilz mettre arriere et degetter toutes choses malfaisantes et inutiles. Les aultres gens de peuple sont comme le ventre, les pieds et les jambes. Car si comme le ventre reçoit tout en soy ce que prepare le chief et les membres, ainsi le fait de l’exercite du prince, et des nobles doit revertir ou bien et en l’amour publique si comme cy après sera plus declaré, et ainsi comme les jambes et piés soustiennent le fais du corps humain semblablement les laboureurs soustiennent tous les aultres estats”. *Christine de Pisan*. 1998: 1–2.

¹² См.: *Гергей*. 1996: 176–185.

рые переходили из одного лагеря в другой. В XIV в. в Нидерландах и Германии распространяется религиозное движение *devotio moderna*, которое, по большому счету, предприняло попытку преобразить Церковь «снизу». Необходимость реформы католической Церкви обсуждается во многих странах, внутри неё самой зреет протест против безусловного единовластия пап и требование автономии национальных церквей, обретает плоть соборное движение — предреформационное сообщество интеллектуалов, высказывавшихся за созыв церковных соборов для решения существующих проблем.

Наиболее яркими его представителями во Франции были епископ Камбре Пьер д'Айи и поддержавший Кристину в дискуссии касательно *Романа о Розе* канцлер Парижского университета Жан Жерсон. Первый стал одним из основоположников соборной теории или движения концилиаризма, заявляя в своих проповедях и трактатах о примате Вселенского собора над папской властью, так как епископы и священники получают благодать священства непосредственно от самого Христа, а не от папы¹³. Французский двор вместе с Парижским университетом довольно долгое время поддерживал авиньонского папу Климента VII в попытке создания подконтрольной полуавтономной галликанской Церкви, однако после избрания Бенедикта XIII, выходяца из Арагона, между королем и папой начались разногласия. У нового понтифика существовало более тесное общение с Пиренейским полуостровом, чем с Галлией, а поддержку во Франции он находил лишь среди соратников герцога Людовика Орлеанского. Короля Карла VI все больше склоняли к позициям концилиаризма клирики из Парижского университета, что привело, наконец, к первому разрыву между французским монархом и авиньонским папой в 1398 г. В 1403 г. последний бежал из Авиньона, а Пьер д'Айи в своей проповеди заявил о формальном подчинении Франции и Парижского университета авиньонскому папе лишь в самых важных вопросах, но в то же время говорил о необходимости созыва Вселенского собора для проведения церковной реформы. Одновременно с этим ученик д'Айи Жан Жерсон предпринимает первые попытки найти выход из церковного кризиса, о чём пишет в трактатах *De auferibilitate papæ* и *De potestate ecclesiastica*. В 1407 г. учитель и ученик пытаются примирить двух пап в Савоне, а также заставить Бенедикта XIII уйти на покой, но обе эти попытки потерпят крах¹⁴. В качестве реакции Жерсоном и д'Айи бу-

¹³ См.: Oakley. 1964: 353–358.

¹⁴ См.: Smith. 1970: 166–170.

дет выработана теоретическая база концилиаризма. Так, Пьер д'Айи заявляет, что единство Церкви не зависит от того, существует один папа или их сразу несколько, а прообразом её единства выступает Христос, поэтому у клириков есть право созвать собор без благословения папы для того, чтобы обеспечить единство и сохранность мистического тела Церкви¹⁵. Эти мысли учителя будет развивать и Жан Жерсон, утверждая, что папа не обладает абсолютной властью, может впасть в ересь и быть лишён сана¹⁶. Более того, по мысли Жерсона, Вселенские соборы не были созваны по инициативе пап или епископов, а созывались светскими князьями¹⁷, поэтому у любого члена Церкви должно быть такое право, и каждый мирянин и священник имеет равный голос на соборе с епископами и кардиналами¹⁸.

Несмотря на то, что у нас нет непосредственных свидетельств о влиянии д'Айи или Жерсона на Кристину, определенные параллели между их взглядами мы провести всё-таки можем. Церковный кризис позволил ей не только исключить из государственного тела представителей духовного сословия, традиционно доминировавших в трёхчастной схеме общественного устройства, но и прислушаться к церковной дискуссии и перенять некоторые аргументы Жерсона и его соратников. Точно известно, к примеру, что Кристина Пизанская в одном из писем положительно отзывалась об избранном на Пизанском соборе 1409 г. Александре V, который и должен был стать новым, единственным папой концилиаристов и преодолеть раскол¹⁹. В *Книге политического тела* Кристина не только не называет духовенство или Церковь движущей силой государства, но и настаивает на том, что назначения епископов должны быть прерогативой правителя: «Правитель должен осторожно удовлетворять прошения служителей, насколько бы близким один из них ни был, даже если он его друг, он [правитель] не должен даровать пребенду, если не уверен в том, что тот будет достойным клириком и подходит для служения Богу» (I.7)²⁰.

В период работы Кристины над *Книгой политического тела* королевская власть во Франции переживала не лучшие времена. Карл VI

¹⁵ См.: Tractatus de materia concilii generalis Petri de Alliaco. 1964: 304–308.

¹⁶ См.: Gerson. 1728: 201.

¹⁷ См.: Gerson. 1728: 209.

¹⁸ См.: Gerson. 1728: 249.

¹⁹ См.: The Writings of Christine de Pizan. 1994: 331.

²⁰ “...qu'il ...prendra garde aux promotions des ministres qu'il ne face requeste pour nul sien serviteur ne autre, tant soit son amy, s'il ne le sent bon clerc preudomme et propice a deservir vers Dieu et son service la prebende que il requiert”. *Christine de Pisan*. 1998: 10.

практически не участвовал в управлении королевством, после «бала пылающих» 1393 г.²¹ его приступы психического расстройства, называемые современниками «периодами отсутствия», не позволяли ему полноценно осуществлять функции монарха, а вся власть перешла к королевской курии. Сама *Книга политического тела* адресована не правящему монарху (в отличие от первоисточников Иоанна Солсберийского и Псевдо-Плутарха), а малолетнему дофину – первая часть книги начинается с советов как необходимо воспитывать юных принцев (I.4). Даже когда Кристина говорит об идеале государя, она имеет в виду не правящего монарха, а его отца, Карла V, которому ранее посвятила отдельный трактат²². В «периоды отсутствия» Карла VI формальным регентом становилась Изабелла Баварская, к которой был близок Людовик Орлеанский (ходили даже слухи о романе королевы и герцога)²³. Влияние Людовика Орлеанского, сына Карла V, все более раздражало его двоюродного брата и основного противника – герцога Бургундского Жана Бесстрашного, боровшегося за контроль над двором²⁴. Первый «вооружённый» конфликт этого противостояния произошёл 19 августа 1405 г., когда Жан Бесстрашный и его младший брат Филипп де Невер вошли в Париж во главе небольшого войска. Людовик Орлеанский вместе с королевой успели покинуть столицу (бургундцы распространили слух, что они вывезли и казну), а вот дофин Людовик оказался в плену у бургундского отряда, достигнутый недалеко от города²⁵. На следующий день другой брат герцога Бургундского, Антуан Бургундский, вступил в Париж, захватил его и приготовился к осаде. Людовик Орлеанский осадил Париж только 9 октября, пытаясь вернуть контроль над политическим центром страны и освободить из бургундского плена наследника престола²⁶. Несмотря на то, что 16 октября 1405 г. между Людовиком и Жаном был заключён мирный договор, это равновесие было крайне хрупким, борьба за

²¹ «Балом пылающих» (Bal des Ardents) во французской историографии называется трагический инцидент на маскараде 28 января 1393 г., устроенном Изабеллой Баварской, когда король Карл VI и несколько его приближенных переоделись «дикими людьми». Их костюмы охватило пламя от факела, короля спасла одна из придворных дам, четверо сгорели заживо. Это событие усугубило психическое состояние монарха, подробнее см.: Les chroniques de sire Jean Froissart. 1840: 176–179.

²² *Christine de Pisan*. Livre des faits et bonnes moeurs du sage roi Charles V. BNF. Ms. Fr. 10153.

²³ См.: *Famiglietti*. 1986: 42–43.

²⁴ См.: *Adams*. 2010: 94–96.

²⁵ См. также: *Пьер Кошон*. 2021: 133.

²⁶ См. также: *Пьер Кошон*. 2021: 134.

власть продолжалась без военных столкновений, а 23 ноября 1407 г. противостояние достигло кульминации – был убит Людовик Орлеанский, после чего разразилась гражданская война между сторонниками Жана Бесстрашного (бургиньонами) и Людовика Орлеанского (арманьяками). Исследователи предполагают, что *Книга политического тела* была написана до ноября 1407 г., поскольку в ней не упоминается об этой политической катастрофе²⁷. В то же время нельзя заметить каких-либо симпатий к одной стороне конфликта, скорее налицо попытка примирить двух влиятельных аристократов и их сторонников. В наиболее легковесной главе первой части («Comment c'est chose avenant a prince avoir bel maintien»), посвященной облику правителя, Кристина рассказывает сначала о достоинствах Карла V, а затем говорит о его сыне Людовике Орлеанском и брате Филиппе Бургундском (I.27). Каждый из них удостоивается похвалы, каждой стороне конфликта она как бы напоминает о том, что они лицезрели эпоху более счастливого и мирного царствования. Филипп Бургундский 27 апреля 1404 г. скончался, т.е. в книге Кристина обращалась уже не к нему, а к его наследнику Жану Бесстрашному, напоминая о близком родстве двух рассорившихся ветвей королевского дома.

Вторая часть *Книги политического тела* посвящена рыцарям и аристократам, при этом в традиционных наставлениях Кристины, характерных для средневековых «зерцал», можно увидеть попытку создания морально-политической философии для представителей знати, участвующей в управлении государством. Краеугольным термином в этом разделе работы является «meurs», которое можно перевести и как мораль, и как обычай, и как нравы. Это слово она употребляет не в бытовом смысле, а как перевод философского понятия, знакомого средневековым мыслителям, обозначаемого традиционно латинским термином *habitus* – свойство, образ, вид, состояние²⁸. Это понятие Кристина встречала и у Аристотеля, чьи *Этика* и *Политика* в 1371–1374 гг. были переведены на французский Николя Оремом²⁹. Согласно логике произведения Кристины, если знатному человеку привита правильная добродетельная манера поведения, «meurs», то она будет воздействовать не только на частную жизнь, но и на его общественную деятельность. Таким образом, должное воспитание становится здесь панацеей от деструктивных тенденций в государстве, лишённом сильного правителя. В качестве примера правильной модели воспитания

²⁷ См.: *Autrاند*. 2009: 285.

²⁸ См.: *Nederman*. 1990: 87–110.

²⁹ О влиянии Аристотеля на Крестину см.: *Forhan*. 2002: 105.

Кристина постоянно ссылается на римлян и греков, в основном на Аристотеля и Валерия Максима, и пишет, что молодую знать древних «взращивали в добрых нравах (*en bonnes meurs*) и подавали им хороший пример, согласно этим добрым советам (*amonicions*) и обычаям они становились трудолюбивыми, добродетельными (*vertueux*) и правильно воспитанными» (II.2)³⁰. В первой части своей книги она вводит любопытный термин – «*felicité vertueuse*», который можно приблизительно передать как «благо, проистекающее из добродетели» (I.2). Это благо – одновременно и цель, к которой должен стремиться глава политического тела, и принцип, помогающий сосуществовать трём сословиям, и высший идеал для князей и знати, которым должно подчиняться третье сословие. Итак, Кристина подводит читателя к мысли о том, что следование «образу» (*habitus*), «обычаю», верной модели поведения («*meurs*») имеет некую цель и в глобальном масштабе, в рамках всего государственного организма.

Рассматривая отношения между высшим сословием и простым народом в *Книге политического тела*, необходимо понимать социально-политический контекст временного отрезка, в котором она создавалась. Интересы третьего сословия часто становились инструментами в борьбе между двумя придворными партиями, как о том свидетельствует нормандский хронист Пьер Кошон: «И желал Бургундец (Жан Бесстрашный – П.Б.), чтобы королевство управлялось тремя сословиями, как это уже некогда было, и чтобы герцог Орлеанский дал отчёт о доходах королевства, коими он распоряжался три года: о поступлениях с домена, а также об эдах и двух тальях общей суммой в четыре миллиона, которые он собрал за эти три года; и чтобы королевство управлялось к выгоде короля и народа, и чтобы добрые труженики и купцы могли жить мирной жизнью, под добрым управлением»³¹. Речь здесь идет о созыве Генеральных штатов (*trois estats* – «три сословия»), которые не собирались более четверти века. Последние несколько собраний (например, 15 апреля 1382 г. в Компьене) происходили как разтаки в связи с введением дополнительных налогов и отменяли эды (фр. «помощь», один из военных поборов). Депутаты штатов в Компьене отказывались вводить новые поборы по причине недоверия к приближённым короля, а сами собрания сопровождалась восстаниями в

³⁰ “...les introduire en bonnes meurs et leur donner bon exemple, pour lesquelles bonnes amonicions et acoustumances ilz devoient traveillans, vertueux et bien moriginez”. *Christine de Pisan*. 1998: 59.

³¹ *Пьер Кошон*. 2021: 134.

Руане, Париже и на юге Лангедока³². Несмотря на то, что заподозрить Кристину в симпатии к бургиньонам трудно³³ (созыв совещательного органа был лишь инструментом политической борьбы для Жана Бесстрашного), можно уверенно предположить, что дискуссия об участии простонародья в политической жизни оставила свой след и в *Книге политического тела*. На мой взгляд, в третьей части мы видим отпечаток влияния двух интеллектуальных явлений: концилиаристской дискуссии о роли духовенства в жизни Церкви и набирающего всё большую силу сословно-представительного движения.

В конце XIV – начале XV в. игнорировать роль третьего сословия в социально-политической сфере теоретикам политической мысли становится невозможным. В последней части своей книги Кристина описывает «простой народ», при этом данное сословие уже не является таким же однородным, каким оно было во времена Иоанна Солсберийского. В самом третьем сословии она выделяет ещё три части: во-первых, это духовенство, во-вторых, – горожане и купцы, в-третьих, – ремесленники и крестьяне. Выделяя и в числе духовенства группу наиболее «среди других возвышенную и благородную, и чувствуемую», Кристина в первую очередь обращается к университетской элите Парижа (III.4)³⁴. Это довольно радикальное смещение лиц духовного сословия на две ступени ниже нельзя не рассматривать иначе, как осмысление произошедших социальных изменений. «Современному читателю это может показаться неувидительным, но, по сравнению с “политической физиологией” Иоанна Солсберийского, это должно было быть шокирующим. В его работе духовенство являлось душой политического тела, без него тело мертво. Диспозиция духовенства в числе “нижних членов” Кристиной свидетельствует о её взгляде на роль духовенства как исключительно функциональную. Они снабжают мессами и молитвами так же, как пекарь снабжает хлебом — важная социальная роль для общества, но не краеугольная, её общество, одновременно и реальное, и идеальное, стало намного более секулярным»³⁵.

Сразу вслед за разжалованными в простолюдины клириками идут представители городской верхушки (*bourgeois*), скорее всего, члены городского магистрата, а также зажиточные купцы (*marchans*) (III. 6–7). Ниже в иерархии располагаются ремесленники (*gens de mestier*), в основании социальной пирамиды находятся крестьяне (*simple la-*

³² См.: *Boullée*. 1845: 87–91.

³³ См.: *Adams*. 2014: 29.

³⁴ См.: *Christine de Pisan*. 1998: 96.

³⁵ *Forhan*. 1994: xxii.

boureur de terre) (III.9–10). Наличие в составе третьего сословия нескольких разнородных групп населения даже самим фактом их именованья требует от автора более подробной стратификации и иерархизации. Это разделение третьего сословия на группы имеет конкретную цель – указать на то, что простой народ не является общностью с одинаковыми мотивами и интересами, выделить в его среде наиболее верные власти социальные группы. В частности, о том, что народ должен испытывать любовь к правителю, она пишет в главе «L'obeissance que peuple doit avoir a prince» (III.3). Повышенное внимание автора к третьему сословию и подробная дескрипция входящих в него групп скорее всего свидетельствуют о попытке обратить внимание короля и его ближайшего круга на роль активной части третьего сословия в жизни всего государства и необходимости использовать определённые политические силы (Университет, «добрые города») в своих целях.

Нужно заметить, что идея политического тела с самого начала имела целью не только выстраивание иерархических отношений и апологетику единоличной власти, но и акцентирование взаимодействия между верхом и низом социума. Указание на важность союза частей политического тела мы находим ещё у Иоанна Солсберийского: «Также и государство (Respublica) <...> телу подобно, которое при помощи божественной милости одушевляется, ведомое принципом небесной гармонии, управляется неким кормилом разума»³⁶. Кристина использует метафору тела в большинстве случаев именно для того, чтобы подчеркнуть взаимозависимость частей общества друг от друга. По её мысли члены политического тела должны «оберегать и поддерживать один другого, каждый осуществляя службу...для сохранения всего в единстве...» (III.1)³⁷. Таким образом, когда Кристина настаивает на том, что живот и ноги – это необходимая часть здорового тела и что простой народ «поддерживает и берёт на себя тяжесть» остального тела, она скорее продолжает существующую традицию, чем изобретает нечто новое. Новаторским является её подробный анализ

³⁶ “Est autem Respublica, sicut Plutarcho placet, corpus quoddam, quod divini muneris beneficio animatur, et summæ æquitatis agitur nutu, et regitur quodam moderamine rationis”. *Johannes Saresberiensis*. 1639: 252.

³⁷ “...semblablement ne peut le corps de policie estre parfait, entier ne sain se tous les estas dont nous traictons ne sont en bonne conjunction et union ensemble, si qu'ilz puissent secourir et aidier l'un a l'autre, chascun exercitant l'office de quoy il doit servir, lesquelz divers offices ne sont a tout considérer establis et ne doivent servir ne mes pour la conservation de tout ensemble, tout ainsi comme les membres de corps humain aident a gouverner et nourrir tout le corps”. *Christine de Pisan*. 1998: 91.

третьего сословия и повышенное внимание к его нуждам и требованиям. Без тех, кто обеспечивает всё необходимое для жизни, тело не только не будет здоровым, но и «ни правители, ни князья, ни города и государства не смогут существовать» (III. 8)³⁸. В других произведениях Кристины, например, в «Книге о мире» или в «Книге о трех добродетелях» она настаивает на справедливом суде по отношению к простому народу, предостерегает от мародёрства, взяточничества и использования чиновниками своей власти для собственного обогащения. Кристина обращает внимание на беды третьего сословия и в *Книге политического тела*, говоря не только о вреде, который наносят войска (*gens d'armes*) (III.10), но и о необходимости правителю не налагать на население непосильное налоговое бремя (I.11). Повторимся: нет никаких оснований видеть в этих тезисах солидарность с позицией бургиньонов, скорее напротив, автор делает собственные выводы из размышлений над бытующими в этот период церковными и социально-политическими дискуссиями, с тем чтобы усовершенствовать традиционную политико-философскую концепцию метафорического тела и преподнести эту новую версию правящей элите в качестве инструкции к действию.

В то же время можно предположить, что *Книга политического тела* задумывалась автором и как послание ближайшим соратникам короля, и как произведение, которое прочтала бы образованная часть третьего сословия. В XIII–XV вв. в Англии и Франции существовала практика публичных чтений вслух, имевшая место и при дворе французского монарха, о чём упоминает даже сама Кристина в своем трактате о Карле V³⁹. При этом автор понимает, что сочинение будет читаться не только узким кругом придворных, но и многими горожанами и клириками: «...книги разлетаются и разносятся в разные места и области»⁴⁰. Поэтому *Книга политического тела* обладала амбивалентным характером: с одной стороны, она была обращена к правящей элите, группирующей вокруг наследника престола, с другой — адресовала свою морализаторскую проповедь подданным государя; та же двойственность присуща и содержательной стороне трактата, имеющего как черты «зерцала», так и новаторский секулярный характер. Трудно сказать, какое влияние *Книга политического тела* оказала на

³⁸ “...sans lesquelz l'estat des roys et des princes et meismement la policie des citez et des pais ne se pourroient nullement passer”. *Christine de Pisan*. 1998: 04.

³⁹ О практике публичных чтений подробнее см.: *Coleman*. 1996.

⁴⁰ “...comme livres soient ventilés et portez en diverses places et regions...” *Christine de Pisan*. 1998: 92.

современников, особенно учитывая последовавшие после её написания политические события. Поэтому исследователь не может этот источник рассматривать однозначно, односторонне, например, только как свидетельство происходивших социальных изменений, не учитывая следование Кристиной традиционным моделям, укорененность в литературной традиции и др. Характер подобных теоретических средневековых работ, на мой взгляд, лучше всего уловил Отто Герхард Эксле, согласно которому «...схемы истолкования социальной действительности с одной стороны ...являются “схемами опыта”, в которых социальная действительность познаваема; с другой стороны, они являются «схемами интерпретации», поскольку «познанное» подвергается осмыслению. В результате этого становятся возможными действия. Значит, отношение к действительности подобных схем здесь также двукратное. С одной стороны, такие схемы содержат в себе действительность, поскольку стремятся познавать и истолковывать ее. <...> С другой стороны, такие схемы создают действительность, порождают ее, опосредуя смысл действительности, они открывают возможность действовать и могут побуждать к действиям»⁴¹. Таким образом, *Книга политического тела* является одновременно и свидетельством эпохи, и сочинением, изменившим характер политико-философской традиции.

Итак, наиболее масштабным изменением, которое совершает *Книга политического тела* в модели метафорического тела государства, становится исключение духовенства из верхней страты социальной структуры. Благодаря этой перестановке преобразуется сама трехчастная модель общества: деление на три части остается, но государь замещает папу и клир, отныне реализуя право на управление Церковью своей страны. В то же время, поскольку королевская власть в данный период была ослаблена, однозначного замещения «души» в политическом теле посредством правителя у Кристины не происходит. Вместо руководящей роли Церкви вводятся гуманистические понятия «блага, проистекающего из добродетели» и «добрых нравов», которым должен следовать и государь, и знатные люди, а простой народ должен повиноваться тем, кто мудро им управляет. Несмотря на то, что моральная проповедь Кристины, адресуемая правителю, традиционна для нравоучительной литературы, в том внимании, которое она уделяет третьему сословию, можно увидеть ее оригинальность. Она не только выделяет некоторые страты внутри этой части политического

⁴¹ Эксле. 2007: 31–32.

тела, но и проводит иерархизацию этих страт, выделяя социальные группы, на которые власть могла бы опереться в условиях политического кризиса. Таким образом, третье сословие включается в политическую жизнь королевства, осмысливается его роль в государственном организме. Концептуальная метафора «политического тела» расстается с церковно-мистическими коннотациями и укореняется в секулярной, политико-философской традиции, продолжая оставаться востребованной.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Пьер Кошон. Нормандская хроника / Пер. М.В. Аникеева. М., 2021.

Christine de Pisan. Livre du corps de policie / Ed. A. J. Kennedy. P., 1998.

Joannis Gersonii. Opera Omnia novo ordine digesta & in V Tomos distributa. / opera & studio M. Lud. Ellies du Pin.; tomus primus [-quintus]. Editio secunda. T. II. Hagae comitum: apud Petrum de Hondt, 1728.

Johannes Saresberiensis. Policraticus: sive de nugis curialium et vestigijs philosophorum, libri octo accedit huic editioni ejusdem metalogicus. Lugduni Batavorum: ex officina Ioannis Maire, 1639.

Le Débat sur le Roman de la Rose / Éd. É. Hicks. P., 1977.

Les chroniques de sire Jean Froissart: qui traitent des merveilles emprises, nobles aventures et faits d'armes advenus en son temps en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Ecosse, Espagne, Portingal et ès autres parties / Nouvellement reçues et augm. d'après les ms. avec notes, éclaircissements, tables et glossaire par J. A. C. Buchon. T.3. P., 1840.

The Writings of Christine de Pizan / Ed. C. C. Willard. N.Y., 1994.

Tractatus de materia concilii generalis Petri de Alliaco. Appendix III // Oakley F. The Political Thought of Pierre d'Ailly: The Voluntarist Tradition. New Haven; L., 1964. P. 244–342.

ЛИТЕРАТУРА

Гергей Е. История папства. М., 1996.

Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.

Калмыкова Е.В. Низложение государя: мятеж или вассальный долг подданных? // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 319–354.

Тогоева О.И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб., 2018.

Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. и предисловие Ю. Арнаутовой. М., 2007.

Adams T. Christine de Pizan and the Fight for France. University Park, PA, 2014.

Adams T. The Life and Afterlife of Isabeau of Bavaria. Baltimore, 2010.

Autrard F. Christine de Pizan: une femme en politique. P., 2009.

Boullée A. Histoire complète des États-Généraux et autres assemblées

representatives de la France depuis 1302 jusqu'en 1626. P., 1845.

Coleman J. Public reading and the reading public in late medieval England and France. Cambridge, 1996.

Famiglietti R.C. Royal Intrigue: Crisis at the Court of Charles VI, 1392–1420. N.Y., 1986.

Forhan K.L. Introduction // The book of the body politic / Christine de Pizan; ed. and tr. K.L. Forhan. Cambridge, 1994. P. XII–XXIX.

Forhan K.L. The Political Theory of Christine de Pizan. L., 2002.

Hanley S. Mapping Rulership in the French Body Politic: Political Identity, Public Law and the «King's One Body» // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1997. Vol. 23. №2. P. 129–149.

Harvey A.D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // Contemporary Review. 1999. Vol. 275 (1603). P. 85–93.

Kennedy A. Christine de Pisan: A bibliographical Guide. Supplement I. L., 1994.

Nederman C. J. The Expanding Body Politic: Christine de Pizan and the Medieval Roots of Political Economy // Au Champ Des Escriptions: III Colloque international sur Christine de Pizan. P., 2000. P. 385–397.

Nederman C.J. Nature, ethics, and the doctrine of 'habitus': Aristotelian moral psychology in the twelfth century // Traditio. Vol. 45. 1990. P. 87–110.

Oakley F. Pierre d'Ailly and Papal Infallibility // Mediaeval Studies. 1964. № 26. P. 353–358.

Richards E.J. Christine de Pizan and Jean Gerson: An intellectual Friendship // Christine de Pizan 2000: Studies on Christine de Pizan in Honour of Angus J. Kennedy. Amsterdam; Atlanta, 2000. P. 196–208.

Rigby S.H. The Body Politic in the Social and Political Thought of Christine de Pizan. Part I: Reciprocity, Hierarchy and Political Authority // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 2012. № 24. P. 461–483.

Roux S. Christine de Pizan: Femme de tête, dame de cœur. P., 2006.

Smith J.H. The Great Schism, 1378. N.Y., 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ МЕТАФОР

С.И. Лучицкая

МЕТАФОРЫ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В
СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (*вместо*
Введения).....5

А.В. Русанов

ДОМ УЧЕНОСТИ, СЕМЕНА ЗНАНИЯ, СОКРОВИЩНИЦА
НАУКИ: РИТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ
МЕТАФОРЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
СООБЩЕСТВ В XIII–XIV ВВ.....16

П.С. Бычков

МЕТАФОРА ТЕЛА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
В «КНИГЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА»
КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ.....35

Л. А. Пименова

ОТ ДРЕВА МОНАРХИИ К НАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
МЕТАФОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....51

Т.В. Артемьева

«ОБРАТНАЯ» МЕТАФОРА КОРАБЛЯ: ЧЕРЕЗ СОЦИУМ
К МЕТАФИЗИКЕ.....69

А.П. Петухова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ РЯД В ТЕКСТАХ
РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....80

Л.Б. Сукина

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА
НА РУССКИХ ИКОНАХ «О ТЕБЕ РАДУЕТСЯ»
КОНЦА XV–XVI В.....99

Д.Д. Харман

ТАК СУДЬБА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ: «ЖИРНАЯ КУХНЯ» И
«БЕДНАЯ КУХНЯ» ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО КАК
МЕТАФОРА НИДЕРЛАНДСКОГО ОБЩЕСТВА XVI в.....123

А.Е. Махов

СТОИЦИЗМ И ЕГО МЕТАФОРЫ В КНИЖНОЙ
ЭМБЛЕМАТИКЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....145

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин

ОТ «ГРЕЧИШКИ» ДО «МОЛНИИ»: О МНОГИХ ПРОЗВИЩАХ
ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА.....176

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

О.А. Соколов

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ ЭПОХИ
АРАБСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.....201

РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Герштейн

МИР МЕЖДУ РАЕМ И АДом: ПРАЗДНИК ТРЁХ ЦАРЕЙ
ИЕРОНИМА БОСХА (Рец. на: *М.Р. Майзульс. Между Христом и
Антихристом: «Поклонение Волхвов» Иеронима Босха».*
М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 238 с.).....218

SUMMARIES.....223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....230

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....232

СОДЕРЖАНИЕ.....233

CONTENTS.....235

CONTENTS

SOCIAL ENTITIES AND THEIR METAPHORICAL INTERPRETATIONS

S.I. Luchitskaya

METAPHORS OF SOCIETY: THE MEDIEVAL AND EARLY
MODERN SOCIAL IMAGINATION (in lieu of an introduction).....5

A.V. Rusanov

THE HOUSE OF SCHOLARSHIP, THE SEEDS OF KNOWLEDGE,
THE TREASURY OF SCIENCE: RHETORICAL IMAGERY
AND SOCIAL METAPHORS OF 13th AND 14th CENTURIES
WESTERN EUROPEAN ACADEMIC COMMUNITIES.....16

P.S. Bychkov

THE USE OF BODY METAPHOR IN DESCRIBING THE
SOCIAL IN CHRISTINE DE PIZAN'S "THE BOOK OF
THE BODY POLITIC".....35

L.A. Pimenova

FROM THE MONARCHY TREE TO NATION: THE USE
OF METAPHORS IN EARLY MODERN FRENCH
POLITICAL DISCOURSE.....51

T.V. Artemyeva

THE 'REVERSE' SHIP METAPHOR: APPROACHING
METAPHYSICS VIA SOCIETY.....69

A.P. Petukhova

THE STRUGGLE FOR THE AUDIENCE: METAPHORS IN THE
TEXTS OF LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES
RUSSIAN CONSERVATIVES.....80

L.B. Sukina

A VISUAL METAPHOR OF THE MEDIEVAL SOCIETY IN
THE LATE 15th – EARLY 16th CENTURIES RUSSIAN
"IN THEE REJOICETH" ICONS99

D.D. Harman

THUS FATE KNOCKS AT THE DOOR: PIETER BRUEGEL

THE ELDER'S 'THE FAT KITCHEN' AND 'THE THIN KITCHEN' AS A METAPHOR OF SOCIAL MOBILITY.....	123
---	-----

A.Eu. Makhov

STOICISM AND ITS METAPHORS IN EARLY MODERN EMBLEM BOOKS.....	145
---	-----

IMAGES OF POWER

M.A. Vedeshkin

FROM 'GREEKLING' TO 'THUNDERBOLT': THE MANY NICKNAMES OF EMPEROR JULIAN.....	176
---	-----

HISTORICAL MEMORY

O.A. Sokolov

THE CRUSADES IN THE ARABIC RENAISSANCE POETRY AND PROSE.....	201
---	-----

REVIEWS

A. B. Gerstein

THE WORLD BETWEEN PARADISE AND HELL: "FEAST OF THE THREE KINGS" BY H. BOSCH (Rev.: <i>Maizuls M.R.</i> Between Christ and Antichrist: "The adoration of the Magi" by H. Bosch. Moscow.: Alpina non-fiction, 2021. 238 p.).....	218
---	-----

SUMMARIES.....	223
----------------	-----

POLICY PAGE.....	232
------------------	-----

LIST OF AUTHORS.....	233
----------------------	-----

CONTENTS.....	235
---------------	-----